

Вестник

Адвокатской палаты
г. Москвы

Выпуск № 7 (9)

Москва, 2004

ВЕСТНИК
Адвокатской палаты
г. Москвы

Выпуск № 7 (9)

Москва, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Информация с заседания Совета Адвокатской палаты г. Москвы	3
Письмо Совета Адвокатской палаты г. Москвы	4
Письмо Министерства РФ по налогам и сборам «О применении контрольно-кассовой техники адвокатами и нотариусами»	5
Постановление Конституционного суда РФ по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы	6
Частное определение Московского окружного военного суда	25
Меры по защите профессиональных прав адвоката (пособие для адвокатов). Приложение (<i>Продолжение</i>)	33

Редакционный совет «Вестника Адвокатской палаты г. Москвы»:

 Председатель — РЕЗНИК Г. М.

Члены редакционного совета: ЖИВИНА А. В., ЗАЛМАНОВ В.Я.,
 КЛЕН Н.Н.

 Ответственный за выпуск: ЗАЛМАНОВ В. Я.

«Вестник Адвокатской палаты г. Москвы». № 7 (9) за 2004 г.

Объем — 4 п.л. Тираж — 1500 экз. Свидетельство о регистрации № 015478.

Макет и верстка выполнены *М. Ф. Фоминой*. Заказ № 290.

Отпечатано в ОАО «Московская типография № 6», 115088, г. Москва,

ул. Южнопортовая, д. 24. Срок подписания в печать — 22.07.2004 г.

Заказчик: Адвокатская палата г. Москвы, 121205, г. Москва, ул. Новый Арбат,
д. 36/9, тел.: 290-98-94.

Документы Адвокатской палаты г. Москвы

30 июня 2004 г. состоялось очередное заседание Совета Адвокатской палаты г. Москвы.

На заседании Совета приняли присягу 21 претендент, успешно сдавшие квалификационные экзамены, рассмотрены уведомления, личные заявления адвокатов, представленных в Совет в порядке статей 15, 16, 17 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Приняты в члены Адвокатской палаты г. Москвы пять адвокатов, приостановлен по различным причинам статус четырех адвокатов. В отношении трех адвокатов вынесено решение о прекращении их статуса.

На заседании Совета также были обсуждены проекты решений, разъяснений Совета по отдельным направлениям адвокатской деятельности, заслушана информация первого вице-президента Адвокатской палаты г. Москвы Клена Н. Н. о заседании Совета Федеральной палаты адвокатов РФ, рассмотрены и другие вопросы.

**АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА Г. МОСКВЫ
С О В Е Т**

№ 1206

30 июня 2004 г.

**Руководителям органов управления
коллегиями адвокатов**

На заседании Совета Адвокатской палаты г. Москвы рассмотрена справка, в которой проанализированы Уставы коллегий адвокатов г. Москвы. (Опубликована в «Вестнике АП г. Москвы», № 6(8) за 2004 г. и размещена на сайте АП г. Москвы: [www. advokatymoscow. ru](http://www.advokatymoscow.ru)).

Предлагаем руководителям органов управления коллегиями адвокатов ознакомиться с ее содержанием, устранить отмеченные в ней недостатки, относящиеся к содержанию Уставов коллегий адвокатов, и привести Уставы в соответствие с законом.

С уважением,

Президент Адвокатской палаты г. Москвы

Г. М. Резник

РЕШЕНИЕ № 19

г. Москва

«16» июня 2004 г.

**О порядке уведомления адвокатом,
принявшим решение об изменении
членства в адвокатской палате субъекта РФ
на членство в АП г. Москвы**

На основании п. 5 ст. 15 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» адвокат, принявший решение об изменении членства в адвокатской палате одного субъекта РФ на членство в АП г. Москвы, представляет в Совет АП г. Москвы заказным письмом следующие документы:
уведомление;

копию паспорта (свидетельства о временной регистрации);
копию справки из территориального органа юстиции о подтверждении статуса адвоката и об исключении сведений о нем из регионального реестра;
анкету.

Президент Адвокатской палаты г. Москвы

Г. М. Резник

МИНИСТЕРСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО НАЛОГАМ И СБОРАМ

П И С Ь М О

от 28 мая 2004 г. № 33-0-11/357@

**О ПРИМЕНЕНИИ КОНТРОЛЬНО-КАССОВОЙ ТЕХНИКИ
АДВОКАТАМИ И НОТАРИУСАМИ**

В связи с многочисленными запросами налоговых органов о применении контрольно-кассовой техники адвокатами и нотариусами Министерство Российской Федерации по налогам и сборам сообщает следующее.

Согласно разъяснениям Министерства финансов Российской Федерации (письмо Минфина России от 06.05.2004 № 04-01-14/2-59) обязанность по применению контрольно-кассовой техники, согласно статье 2 Федерального закона от 22.05.2003 № 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием платежных карт» (далее — Федеральный закон), возложена на организации и индивидуальных предпринимателей при осуществлении ими наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием платежных карт в случаях продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. К ответственности за неприменение контрольно-кассовой техники при продаже товаров, выполнении работ или оказании услуг, предусмотренной статьей 14.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, могут привлекаться только организации торговли либо иные организации, осуществляющие реализацию товаров, выполняющие работы либо оказывающие услуги, а равно граждане, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей.

Между тем согласно пункту 2 статьи 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Закон об адвокатуре) и статьям 1 и 12 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате адвокатская и нотариальная деятельность не являются предпринимательс-

кой. В отличие от предпринимательской деятельности, которой граждане вправе заниматься с момента государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей, к осуществлению адвокатской деятельности адвокат вправе приступить с момента присвоения статуса адвоката и регистрации территориальным органом юстиции, а к деятельности нотариуса — с момента его назначения на должность нотариуса органом юстиции. Целью адвокатской и нотариальной деятельности является реализация предусмотренного статьей 48 Конституции Российской Федерации права каждого гражданина на получение квалифицированной юридической помощи, то есть защита прав, свобод и интересов юридических и физических лиц. Поэтому результаты такой деятельности не могут рассматриваться как продажа товаров, выполнение работ или оказание услуг с целью извлечения прибыли.

В соответствии со статьей 20 Закона об адвокатуре адвокаты осуществляют свою профессиональную деятельность в следующих формах адвокатских образований: адвокатский кабинет — индивидуальная форма адвокатской деятельности; коллегия адвокатов, адвокатское бюро, юридическая консультация — коллективные формы организации адвокатской деятельности.

Адвокатские образования, являющиеся некоммерческими организациями, обеспечивают условия для осуществления профессиональной деятельности своих членов-адвокатов. При этом, в соответствии с подпунктом пятым пункта 1 статьи 7 Закона об адвокатуре, профессиональной обязанностью адвокатов -членов указанных организаций является отчисление за счет полученного вознаграждения средств в установленных размерах на содержание соответствующего адвокатского образования. Для адвокатских образований эти средства являются целевым финансированием, а не платой за услуги, оказываемые адвокатам. При этом средства, перечисляемые в обязательном порядке доверителями на банковский счет или вносимые в кассу адвокатского образования, являются платой за юридическую помощь, оказанную адвокатами, а не адвокатским образованием.

За оказанную юридическую помощь адвокат получает вознаграждение на условиях соглашения, заключенного между ним и доверителем. Законодательство предусматривает также случаи оплаты его деятельности из средств бюджета. С учетом публично-правового статуса адвоката и особенностей его деятельности действующее законодательство предусматривает и ряд налоговых льгот.

Аналогичным образом определяют правовой статус нотариусов и

Письма, информация министерств и ведомств

их положение в правовой системе государства Основы законодательства Российской Федерации о нотариате.

Адвокаты, учредившие адвокатские кабинеты, и нотариусы отнесены Налоговым кодексом Российской Федерации (абзац четвертый пункта 2 статьи 11) к категории индивидуальных предпринимателей только для целей Налогового кодекса Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении от 6 июня 2002 г. № 116-0 отметил, что «данное в Налоговом кодексе Российской Федерации определение индивидуальных предпринимателей имеет специально-терминологическое значение, а содержащиеся в пункте 2 статьи 11 нормы-дефиниции предназначены для применения исключительно в целях налогообложения. Самостоятельного регулятивного значения — как

норма прямого действия — абзац четвертый пункта 2 статьи 11 Налогового кодекса Российской Федерации не имеет.». Между тем Федеральный закон о применении контрольно-кассовой техники к законодательству Российской Федерации о налогах и сборах не относится, поскольку предметом его регулирования являются не налоговые отношения, а публично-правовые отношения, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности.

С учетом изложенного выше Минфин России разъясняет, что адвокатские образования (в том числе адвокатские кабинеты) и нотариусы при осуществлении деятельности, предусмотренной законодательством Российской Федерации, не подпадают под сферу действия Федерального закона о применении контрольно-кассовой техники и не должны использовать при осуществлении такой деятельности контрольно-кассовые машины.

Доведите данное письмо до нижестоящих налоговых органов.

Действительный государственный
советник налоговой службы РФ
II ранга

С. Н. ШУЛЬГИН

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ
ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЕЙ 7, 15, 107, 234 И 450 УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ
С ЗАПРОСОМ ГРУППЫ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ**

город Москва

29 июня 2004 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе председательствующего М.В.Баглая, судей Ю.М.Данилова, В.Д.Зорькина, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, В. О. Лучина, Н. В. Селезнева, О. С. Хохряковой,

с участием представителей группы депутатов Государственной Думы, направившей запрос в Конституционный Суд Российской Федерации, — депутата Государственной Думы С. А. Попова и адвоката Ю. А. Костанова, постоянного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Е. Б. Мизулиной, представителя Совета Федерации — доктора юридических наук Е. В. Виноградовой, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.А. Митюкова,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 2) Конституции Российской Федерации, подпунктом «а» пункта 1 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, подпунктом «а» пункта 1 части второй статьи 22. статьями 36, 74, 84, 85 и 86 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явился запрос группы депутатов Государственной Думы, в котором оспаривается конституционность указанных положений Уголовно-процессуального кодек-

Судебные решения

са Российской Федерации. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли эти положения Конституции Российской Федерации.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н. В. Селезнева, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Верховного Суда Российской Федерации — судьи Верховного Суда Российской Федерации В. В. Демидова, от Генеральной прокуратуры Российской Федерации — С. Г. Кехлерова, от Федеральной службы безопасности Российской Федерации — Л. Н. Башкатова, от Министерства внутренних дел Российской Федерации — Б. Я. Гаврилова, от Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации — В. И. Селиверстова, исследовав представленные документы и иные материалы. Конституционный Суд Российской Федерации

УСТАНОВИЛ:

1. В запросе группы депутатов Государственной Думы оспаривается конституционность следующих положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации:

частей первой и второй статьи 7, устанавливающих приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перед другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами и запрещающих суду, прокурору, следователю, органу дознания и дознавателю применять федеральный закон, противоречащий данному Кодексу, — как не соответствующих предписанию статьи 76 (часть 3) Конституции Российской Федерации о недопустимости противоречия федеральных законов федеральным конституционным законам;

части второй статьи 15, согласно которой функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или на одно и то же должностное лицо — как освобождающей государственные органы и их должностных лиц — прокурора, следователя, дознавателя от выполнения конституционной обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина и тем самым не отвечающей требованиям статьи 2 Конституции Российской Федерации;

частей шестой и восьмой статьи 234, не допускающих удовлетворение ходатайства защиты о вызове свидетеля для установления алиби подсудимого, если соответствующее ходатайство не заяв-

Судебные решения

лялось в ходе предварительного расследования, и допрос по ходатайству стороны защиты лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, — как необоснованно ограничивающих возможность доказывания невинности обвиняемого и тем самым не согласующихся со статьями 45, 46 (часть 1) и 55 Конституции Российской Федерации;

статьи 450 и находящейся с ней в системной связи статьи 107 в той части, в какой ими допускается возможность избрания в отношении члена Совета Федерации или депутата Государственной Думы домашнего ареста в качестве меры пресечения без согласия соответствующей палаты Федерального Собрания — как противоречащих статье 98 Конституции Российской Федерации.

Кроме того, заявители просили проверить конституционность пункта 2 части первой статьи 448 УПК Российской Федерации, устанавливавшего, что решение о возбуждении уголовного дела в отношении Генерального прокурора Российской Федерации принимается коллегией, состоящей из трех судей Верховного Суда Российской Федерации, — как возлагающего на суд не свойственную ему функцию обвинения. Однако после того как Федеральным законом от 4 июля 2003 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» названная норма — была изменена (в новой редакции ею устанавливается порядок возбуждения уголовного дела в отношении Генерального прокурора Российской Федерации прокурором, на которого в этом случае возлагается исполнение обязанностей Генерального прокурора Российской Федерации), заявители отзывали свой запрос в этой части. В силу статьи 44 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» это является основанием для прекращения производства по делу в части, касающейся проверки конституционности пункта 2 части первой статьи 448 УПК Российской Федерации.

2. Согласно статье 7 (Законность при производстве по уголовному делу) УПК Российской Федерации суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель не вправе применять федеральный закон, противоречащий данному Кодексу (часть первая); суд, установив в ходе производства по уголовному делу несоответствие федерального закона или иного нормативного правового акта данному Кодексу, принимает решение в соответствии с данным Кодексом (часть вторая).

Действительный смысл оспариваемых положений о приоритете Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации пе-

Судебные решения

ред другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами не может быть выявлен без учета места этих положений в системе действующего уголовно-процессуального регулирования.

2.1. В Конституции Российской Федерации термин «федеральный закон» используется для обозначения любых законов, принимаемых федеральным законодателем, — как федеральных законов, принимаемых в обычном порядке, так и федеральных конституционных законов (например, статья 4, часть 2; статья 55, часть 3; статья 76, часть 5; статья 115, части 1 и 3;

статья 121, часть 2; статья 125, части 2 и 4), а также в более узком смысле -для обозначения обычных федеральных законов в отличие от федеральных конституционных законов (например, статья 105, часть 2; статья 107; статья 129, часть 5). При этом Конституция Российской Федерации исходит из верховенства федеральных конституционных законов по отношению к федеральным законам: устанавливая, что и федеральные законы и федеральные конституционные законы, принимаемые по предметам ведения Российской Федерации, имеют прямое действие на всей территории Российской Федерации (статья 76, часть 1), она одновременно закрепляет, что федеральные законы не могут противоречить федеральным конституционным законам (статья 76, часть 3), и предусматривает особый порядок принятия федеральных конституционных законов (статья 108, часть 1).

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, который, как специально указывает часть первая его статьи 1, основан на Конституции Российской Федерации, в ряде своих положений также непосредственно различает федеральный конституционный закон и федеральный закон (часть четвертая статьи 31; часть четвертая статьи 355), имея в виду под федеральным законом именно обычный федеральный закон (пункты 31, 42 и 44 статьи 5, пункт 1 части второй статьи 37). Кроме того, конкретизируя предписания статьи 15 Конституции Российской Федерации, часть третья статьи 1 УПК Российской Федерации закрепляет, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство; если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные данным Кодексом, то применяются правила международного договора.

Судебные решения

Отсюда следует, что положения частей первой и второй статьи 7 УПК Российской Федерации — по своему конституционно-правовому смыслу в системе норм — не затрагивают установленную Конституцией Российской Федерации иерархию нормативных актов в правовой системе Российской Федерации и не предполагают распространение приоритета Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на разрешение возможных коллизий между ним и какими бы то ни было федеральными конституционными законами, а также между ним и международными договорами Российской Федерации. Если же в ходе производства по уголовному делу будет установлено несоответствие между федеральным конституционным законом (либо международным договором Российской Федерации) и Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (который является обычным федеральным законом), применению — в силу статей 15 (часть 4) и 76 (часть 3) Конституции Российской Федерации — подлежит именно федеральный конституционный закон или, соответственно, международный договор Российской Федерации как обладающие большей юридической силой по отношению к обычному федеральному закону.

2.2. В силу статьи 71 (пункт «о») во взаимосвязи со статьями 10, 49, 50, 76 (часть 1) и 118 (часть 2) Конституции Российской Федерации уголовное судопроизводство представляет собой самостоятельную сферу правового регулирования, а юридической формой уголовно-процессуальных отношений является уголовно-процессуальное законодательство как отдельная отрасль в системе законодательства Российской Федерации. При этом уголовно-процессуальное законодательство — с учетом его особой важности для защиты прав и свобод человека и гражданина и интересов общества в целом — наряду с уголовным законодательством максимально унифицировано путем кодификации.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, который, согласно части первой его статьи 1, устанавливает порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации, будучи обычным федеральным законом, не имеет преимуществ перед другими федеральными законами с точки зрения установленной непосредственно Конституцией Российской Федерации иерархии нормативных актов. В отношении федеральных законов как актов одинаковой юридической силы применяется правило «*lex posterior derogat priori*» («последующий закон отменяет предыдущие»), означающее, что даже если в после-

Судебные решения

дующем законе отсутствует специальное предписание об отмене ранее принятых законоположений, в случае коллизии между ними действует последующий закон; вместе с тем независимо от времени принятия приоритетными признаются нормы того закона, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений.

Из принципов правового государства, равенства и справедливости (статьи 1, 18 и 19 Конституции Российской Федерации) вытекает обращенное к законодателю требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования. Противоречащие друг другу правовые нормы порождают и противоречивую правоприменительную практику, возможность произвольного их применения, ослабляют гарантии государственной защиты конституционных прав и свобод. По смыслу этих положений Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 4 (часть 2), 15 (части 1 и 4), 71 (пункт «о»), 76 (части 1 и 2) и пункта 2 раздела второго «Заключительные и переходные положения», структурирование системы федерального законодательства, по общему правилу, предполагает, что установление новых норм, регулирующих уголовно-процессуальные отношения, — согласно самой сути и природе уголовно-процессуального закона — должно быть согласовано с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, представляющим собой (как и соответствующие международные договоры Российской Федерации) одну из составных частей действующего уголовно-процессуального законодательства. Появление в регулировании уголовного судопроизводства нормативных положений, противоречащих Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации, может создать неопределенность в правовом положении участников судопроизводства, привести к нарушениям прав и законных интересов граждан и, в конечном счете, — к дестабилизации единого правового пространства в сфере уголовного судопроизводства.

По существу, требование о приоритете Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в установлении порядка уголовного судопроизводства (без соблюдения которого никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию), сформулированное в частях первой и второй статьи 7 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с его статьями 1 и 8 и относящееся к процессуальному праву, корреспондирует максимально кодифицированному состоя-

Судебные решения

нию уголовного права, обеспечивая наиболее адекватную процессуальную форму его реализации как права материального. При этом законодатель исходил из особой роли, которую выполняет в правовой системе Российской Федерации кодифицированный нормативный правовой акт, осуществляющий комплексное нормативное регулирование тех или иных отношений.

Следовательно, в силу указанных положений Конституции Российской Федерации федеральный законодатель — в целях реализации конституционных принципов правового государства, равенства и единого режима законности, обеспечения государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовной юстиции, — кодифицируя нормы, регулирующие производство по уголовным делам, вправе установить приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перед иными федеральными законами в регулировании уголовно-процессуальных отношений.

2.3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации как систематизированный свод правовых норм, во взаимосвязи и содержательном единстве регулирующих уголовное судопроизводство в целом и отдельные его части, этапы, стадии, институты — с учетом их общих свойств, специфических черт и проявлений, — призван обеспечить единообразие и согласованность нормативно-правовых установлений и складывающейся на их основе правоприменительной практики, чем и обуславливается закрепление приоритета данного Кодекса в качестве закона, регулирующего производство по уголовным делам. Такие установления, не нарушая прерогатив федерального законодателя вносить изменения и дополнения в действующее уголовно-процессуальное законодательство, в то же время облегчают работу правоприменителя, поскольку законодательство становится обозримым и тем самым в правоприменении существенно снижаются риски искажения аутентичной воли законодателя.

Вместе с тем приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перед другими обычными федеральными законами не является безусловным, а ограничен рамками специального предмета регулирования, которым, как это следует из его статей 1—7, является порядок уголовного судопроизводства, т.е. порядок производства (досудебного и судебного) по уголовным делам на территории Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях уже подчеркивал необходимость учета особенностей пред-

Судебные решения

мета регулирования тех или иных законодательных актов при разрешении возникающих между ними коллизий. Так, в Постановлении от 27 февраля 2003 года по делу о проверке конституционности положения части первой статьи 130 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что в силу в силу статей 46, 47, 49 (часть 1), 50, 118 и 126 Конституции Российской Федерации и конкретизирующих их норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства в правовой системе Российской Федерации нормы, призванные определять порядок осуществления уголовного преследования и возложения на лицо уголовной ответственности и наказания, а также порядок исполнения и отбывания наказания, не могут подменять или отменять положения уголовного законодательства, определяющие преступность и наказуемость деяний, а также виды и размеры наказаний. Данная правовая позиция была подтверждена также в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 1996 года по делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» и от 24 апреля 2004 года по делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «О федеральном бюджете на 2002 год», «О федеральном бюджете на 2003 год». «О федеральном бюджете на 2004 год» и приложений к ним.

С учетом требований Конституции Российской Федерации и решений Конституционного Суда Российской Федерации положения частей первой и второй статьи 7 УПК Российской Федерации закрепляют приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перед другими обычными федеральными законами лишь постольку, поскольку уголовно-процессуальным законом в Российской Федерации является именно данный Кодекс (статьи 2-4 УПК Российской Федерации) — подобно тому, как уголовным законом является Уголовный кодекс Российской Федерации (часть первая статьи 3 УК Российской Федерации, пункт 57 статьи 5 УПК Российской Федерации), — и поскольку другими федеральными законами, как относящимися к иным отраслям законодательства, не должно — в силу закрепленного в уголовно-процессуальном праве принципа законности при производстве по уголовному делу и очерченного в самом Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации предмета регулирования — осуществляться регулирование именно уголовно-процессуальных по своей правовой природе отношений.

Судебные решения

2.4. Таким образом, части первая и вторая статьи 7 УПК Российской Федерации не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку содержащиеся в них положения о приоритете Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перед иными федеральными законами и нормативными правовыми актами — по их смыслу в системе действующего правового регулирования — не подразумевают разрешение возможных коллизий между данным Кодексом и какими бы то ни было федеральными конституционными законами и распространяются лишь на случаи, когда положения иных федеральных законов, непосредственно регулирующие порядок производства по уголовным делам, противоречат Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации.

3. Согласно статье 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Применительно к уголовному судопроизводству, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, это означает, что функция разрешения уголовного дела отделена от функций обвинения и защиты и осуществление каждой из них возлагается на различных субъектов уголовного судопроизводства.

В соответствии с названным конституционным принципом Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации закрепляет, что суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты и создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (часть

третья статьи 15), а также устанавливает правовой статус лиц, представляющих в уголовном процессе стороны обвинения и защиты исходя из существа возлагаемых на каждую из этих сторон процессуальных функций (главы 6 и 7), обеспечивая тем самым их реальное разделение.

Осуществляя от имени государства уголовное преследование по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения, прокурор, а также следователь, дознаватель и иные должностные лица, выступающие на стороне обвинения, должны подчиняться предусмотренному Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации порядку уголовного судопроизводства (часть вторая статьи 1), следуя назначению и принципам уголовного судопроизводства, закрепленным данным Кодексом: они обязаны всеми имеющимися в их распоряжении средствами обеспечить охра-

Судебные решения

ну прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (статья 11), исходить в своей профессиональной деятельности из презумпции невиновности (статья 14), обеспечивать подозреваемому и обвиняемому право на защиту (статья 16), принимать решения в соответствии с требованиями законности, обоснованности и мотивированности (статья 7), в силу которых обвинение может быть признано обоснованным только при условии, что все противостоящие ему обстоятельства дела объективно исследованы и опровергнуты стороной обвинения. Каких-либо положений, допускающих освобождение прокурора, следователя, дознавателя от выполнения этих обязанностей, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, в том числе оспариваемая депутатами Государственной Думы часть вторая его статьи 15, согласно которой функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо, не содержит.

Следовательно, по своему конституционно-правовому смыслу в системе норм положения части второй статьи 15 УПК Российской Федерации не исключают необходимость использования прокурором, следователем, дознавателем в процессе уголовного преследования всего комплекса предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Осуществление указанными лицами своей процессуальной функции именно в таком объеме, гарантируемое особым процессуальным статусом и полномочиями прокурора, следователя, дознавателя, а также наличием судебного контроля в отношении их действий и решений, включая контроль со стороны апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, обеспечивает в рамках уголовного судопроизводства выполнение государством своей обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, их обеспечению правосудием (статьи 2 и 18 Конституции Российской Федерации).

Таким образом, положения части второй статьи 15 УПК Российской Федерации не нарушают гарантируемые Конституцией Российской Федерации права и свободы человека и гражданина, а также закрепленные в ней принципы правосудия и, следовательно, не противоречат Конституции Российской Федерации.

4. Согласно статье 49 (часть 1) Конституции Российской Федерации каждый обвиняемый в совершении преступления считается

Судебные решения

невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Доказывание в уголовном судопроизводстве состоит в собирании, проверке и оценке доказательств и осуществляется дознавателем, следователем, прокурором и судом (статьи 14, 85 и 86 УПК Российской Федерации).

Исходя из предписаний статей 2, 18 и 45 (часть 1) Конституции Российской Федерации, согласно которым государственная защита прав и свобод человека и гражданина гарантируется и именно права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и обеспечиваются правосудием, дознаватель, следователь, прокурор и суд, осуществляя доказывание, обязаны принимать в установленных процессуальных формах все зависящие от них меры, — к тому, чтобы были получены доказательства, подтверждающие как виновность, так и невиновность лица в совершении инкриминируемого ему преступления.

Обвиняемый в силу статьи 49 (часть 2) Конституции Российской Федерации не обязан доказывать свою невиновность. Однако это не означает, что в случае отказа обвиняемого от участия в доказывании или неспособности по каким-либо причинам осуществлять его, доказательства невиновности могут не устанавливаться и не исследоваться. То обстоятельство, что обвиняемый воспользовался названным конституционным правом, не может служить основанием ни для признания его виновным в инкриминируемом преступлении, ни для наступления каких-либо неблагоприятных последствий, связанных с применением процессуальных санкций, в том числе с ограничением возможности реализации им своих процессуальных прав.

Между тем часть шестая статьи 234 УПК Российской Федерации, согласно которой ходатайство стороны защиты о вызове свидетеля для установления алиби подсудимого подлежит удовлетворению лишь в случае, если оно заявлялось в ходе предварительного расследования и было отклонено дознавателем, следователем или прокурором, а также если о наличии такого свидетеля становится известно после окончания предварительного расследования, ограничивает обвиняемого в возможности отстаивать в ходе судебного разбирательства свою позицию по уголовному делу, чем нарушается его конституционное право на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом, в том числе в суде. Понуждая обвиняемого ходатайствовать о вызове свидетеля

Судебные решения

для подтверждения алиби в период предварительного расследования, т.е., по существу, — к отказу от гарантированного Конституцией Российской Федерации права не доказывать свою невиновность, данная норма фактически вводит процессуальную санкцию за использование данного конституционного права.

Таким образом, часть шестая статьи 234 УПК Российской Федерации не соответствует статьям 45 (часть 2), 46 (часть 1) и 49 (часть 2) Конституции Российской Федерации.

5. В соответствии со статьей 51 Конституции Российской Федерации никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом (часть 1); федеральным законом могут устанавливаться иные случаи освобождения от обязанности давать свидетельские показания (часть 2).

Освобождение лица от обязанности давать показания, могущие ухудшить положение его самого или его близких родственников либо привести к разглашению доверенной ему охраняемой законом тайны, т.е. наделение этого лица свидетельским иммунитетом, является одной из важнейших и необходимых предпосылок реального соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем применительно к уголовному судопроизводству свидетельский иммунитет, по смыслу статьи 51 Конституции Российской Федерации и конкретизирующих ее пункта 40 статьи 5, статьи 56 и части восьмой статьи 234 УПК Российской Федерации, не может рассматриваться в качестве препятствия для реализации лицом, обладающим таким иммунитетом, права использовать известные ему сведения, в том числе в целях обеспечения и защиты прав и законных интересов лиц, которых эти сведения непосредственно касаются.

Правовая позиция по вопросу о возможности допроса лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, ранее уже была выражена Конституционным Судом Российской Федерации. В Определении от 6 марта 2003 года по жалобе гражданина Г.В.Цицкишвили Конституционный Суд Российской Федерации, признав допустимым при определенных обстоятельствах допрос лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, указал на то, что безусловный запрет допроса этих лиц во всяком случае мог бы приводить к нарушению конституционного права на судебную защиту и искажал бы само существо данного права.

Согласно части восьмой статьи 234 УПК Российской Федерации по ходатайству сторон в качестве свидетелей могут быть доп-

Судебные решения

рошены любые лица, которым что-либо известно об обстоятельствах производства следственных действий или изъятия и приобщения к уголовному делу документов, за исключением лиц, обладающих свидетельским иммунитетом. Из данной нормы во взаимосвязи с пунктом 40 статьи 5, статьей 56, частью четвертой статьи 271 и статьей 278 УПК Российской Федерации не следует, что запрет обязывать лицо, обладающее свидетельским иммунитетом, давать показания относительно обстоятельств досудебного производства исключает право такого лица дать соответствующие показания в случае, если оно согласно на это, при условии, что ему как свидетелю разъясняется возможность использования показаний в качестве доказательств по уголовному делу.

С учетом выявленного в Определении от 6 марта 2003 года и настоящем Постановлении конституционно-правового смысла положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о свидетельском иммунитете часть восьмая статьи 234 УПК Российской Федерации не исключает возможность допроса, в том числе по ходатайству стороны защиты, лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, об обстоятельствах производства следственных действий или изъятия и приобщения к уголовному делу документов при условии их согласия на это и, следовательно, не ограничивает гарантии судебной защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе, закрепленные статьями 45, 46, 49—51, 118 и 123 Конституции Российской Федерации.

6. Согласно статье 98 Конституции Российской Федерации члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы обладают неприкосновенностью в течение всего срока их полномочий; они не могут быть задержаны, арестованы, подвергнуты обыску, кроме случаев задержания на месте преступления, а также подвергнуты личному досмотру, за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других людей (часть 1); вопрос о лишении неприкосновенности решается по представлению Генерального прокурора Российской Федерации соответствующей палатой Федерального Собрания (часть 2).

Неприкосновенность (парламентский иммунитет), как указано в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 1996 года по делу о проверке конституционности положений статей 18, 19 и 20 Федерального закона «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государствен-

Судебные решения

ной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», — один из основных элементов статуса парламентария, важнейшая правовая гарантия его деятельности; она имеет публично-правовой характер и призвана служить публичным интересам, обеспечивая повышенную охрану законом личности парламентария в силу осуществляемых им государственных функций, с тем чтобы оградить его от необоснованных преследований, способствовать беспрепятственной деятельности парламентария и тем самым — парламента, их самостоятельности и независимости; Конституция Российской Федерации, определяя в статье 98 лишь общее направление и условия действия депутатской неприкосновенности, в целях обеспечения основ конституционного строя, связанных с осуществлением народовластия (статья 3), с разделением властей и самостоятельностью органов законодательной власти (статья 10), созданием условий для беспрепятственной деятельности парламента, допускает возможность конкретизации ее положений в федеральном законодательстве.

Соответствующая конкретизация осуществлена, в частности, Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Согласно части второй его статьи 447 порядок производства по уголовным делам в отношении членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы определяется данным Кодексом с изъятиями, предусмотренными его главой 52 «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц». Одно из таких изъятий установлено в статье 450 УПК Российской Федерации, определяющей в отношении этих лиц особенности избрания меры пресечения и производства отдельных следственных действий и непосредственно предусматривающей гарантии их статуса только в связи с применением в качестве меры пресечения заключения под стражу. Отсутствие в данной статье прямого указания на согласие соответствующей палаты Федерального Собрания как на обязательное условие применения в отношении члена Совета Федерации или депутата Государственной Думы домашнего ареста не может, однако, расцениваться как обстоятельство, свидетельствующее об отсутствии необходимости получения такого согласия в случае применения в отношении этих лиц данной меры пресечения.

Домашний арест в силу статьи 107 УПК Российской Федерации заключается в ограничениях, связанных со свободой передвижения, а также в запрете общаться с определенными лицами, получать и отправлять корреспонденцию, вести переговоры с ис-

Судебные решения

пользованием любых средств связи; он избирается в отношении подозреваемого или обвиняемого по решению суда при наличии оснований и в порядке, которые установлены статьей 108 УПК Российской Федерации, регламентирующей вопросы избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу. Следовательно, установленные статьей 450 УПК Российской Федерации гарантии неприкосновенности членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы при решении вопроса о применении в отношении них меры пресечения, предусмотренной статьей 108 УПК Российской Федерации, должны обеспечиваться и при решении вопроса о применении в отношении названных категорий лиц домашнего ареста. Иное означало бы преодоление приведенной правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, что недопустимо в силу части второй статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Таким образом, статья 450 и находящаяся с ней во взаимосвязи статья 107 УПК Российской Федерации по своему конституционно-правовому смыслу в нормативном единстве со статьей 108 данного Кодекса предполагают применение в отношении членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы меры пресечения в виде домашнего ареста по судебному решению и с согласия соответствующей палаты Федерального Собрания и, следовательно, не противоречат Конституции Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 100 «Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

ПОСТАНОВИЛ:

1. Признать части первую и вторую статьи 7 УПК Российской Федерации, устанавливающие приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перед иными федеральными законами и нормативными правовыми актами, не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку содержащиеся в них положения — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования — не подразумевают разрешения возможных коллизий между данным Кодексом и какими бы то ни было федеральными конституционными законами и распространяются лишь на случаи, когда поло-

Судебные решения

жения иных федеральных законов, непосредственно регулирующие порядок производства по уголовным делам, противоречат Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации.

2. Признать часть вторую статьи 15 УПК Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе норм уголовно-процессуального законодательства содержащиеся в ней положения, как не предполагающие ограничение действия конституционного принципа состязательности, не освобождают должностных лиц государственных органов — участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения от выполнения при расследовании преступлений и судебном разбирательстве уголовных дел конституционной обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина, в том числе от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, иного ограничения прав и свобод.

3. Признать часть шестую статьи 234 УПК Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 45 (часть 2), 46 (часть 1) и 49 (часть 2), в той мере, в какой содержащиеся в ней положения исключают возможность удовлетворения ходатайства защиты о вызове свидетеля для установления алиби подсудимого, если оно не заявлялось в ходе предварительного расследования и не было отклонено дознавателем, следователем, прокурором.

4. Признать часть восьмую статьи 234 УПК Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу во взаимосвязи с иными нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации она не исключает возможность допроса лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, об обстоятельствах производства следственных действий или изъятия и приобщения к уголовному делу документов при условии их согласия на это.

5. Признать статью 450 и находящуюся с ней во взаимосвязи статью 107 УПК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в нормативном единстве со статьей 108 данного Кодекса они предполагают применение в отношении членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы меры пресечения в виде домашнего ареста по судебному решению и с согласия соответственно Совета Федерации или Государственной Думы.

Судебные решения

6. В силу статьи 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл положений частей первой и второй статьи 7. части второй статьи 15, части восьмой статьи 234, статей 107 и 450 УПК Российской Федерации является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

7. Согласно частям первой и второй статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения и действует непосредственно.

8. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете» и «Собрании законодательства Российской Федерации». Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

Документы Адвокатской палаты г. Москвы

Публикуя Частное определение Московского окружного военного суда по известному уголовному делу об убийстве журналиста *Дмитрия Холодова*, мы исходим из большого значения этого судебного акта для преодоления нарушений прав граждан на предварительном *рас* следовании уголовных дел и, прежде всего, подозреваемых и обвиняемых на защиту, попыток устранения из дела адвокатов, честно и добросовестно выполняющих свой профессиональный долг.

Данное Частное определение в адрес Генерального прокурора РФ тем более примечательно, что вынесено оно не по искусственно созданному делу, каковые в практике наших прокурорско-следственных органов, увы, не единичны. Напротив, все указывает на то, что следствие действительно стремилось раскрыть преступление, изобличить лиц, причастных к убийству журналиста. Однако решать эти задачи незаконными методами, нарушать конституционные *га-*рантии прав личности, препятствовать реализации права на защиту недопустимо. И в том случае, когда суд выполняет свое высокое предназначение, когда он не подвержен обвинительному уклону, а разрешает дело, руководствуясь презумпцией невиновности, прокуроров и следователей, нарушающих процессуальный закон, какими бы благими целями они отступления от закона не прикрывали, ждет неизбежное фиаско.

Президент
Адвокатской
палаты
г. Москвы

Г. М. Резник

ЧАСТНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

10 июня 2004 г.

г. Москва

Московский окружной военный суд в составе председательствующего — полковника юстиции Зубова Е. В., народных заседателей — Гусаровой Н.А. и Косяковой В. И., при секретарях Михайловой А. Ю., Неретиной Н.И., Головненко О. В., Аносовой О. В., Шустровой Н.А., и Ростовской В.А., с участием государственных обвинителей первого заместителя начальника управления по расследованию особо важных дел Генеральной прокуратуры РФ старшего советника юстиции Алешиной И.Ф., прокурора отдела прокуратуры Московской области старшего советника юстиции Тихомирова Б.Л. и военного прокурора 6-го управления Главной военной прокуратуры полковника юстиции Стародубца Г. В., потерпевших Холодова Ю. В. и Холодовой З.А., их представителей — адвокатов Андриановой Е. Р., и Мачина А. И., подсудимых Барковского К. О., Капунцова А. Е., Мирзаянца К.Ю., Морозова В. В., Поповских П.Я. и Сороки А. М.; их защитников адвокатов Левиной О. Б., Левина В.Л., Савченко М.Ю., Мосина А.А., Минина М.С., Авдеева О. Н., Вольвач Я. В., Вольвач В. В., Яртых И.С., Томашевской Е.Ю., Мове Л.А. и Белявского А.А., рассмотрев уголовное дело по обвинению Барковского Константина Олеговича, Капунцова Александра Евгеньевича, Мирзаянца Константина Юрьевича, Морозова Владимира Витальевича, Поповских Павла Яковлевича и Сороки Александра Мстиславовича всех шестерых в совершении преступлений, предусмотренных ст. 102, п.п. «д» «з», «н», ч. 2 ст. 15 п.п. «в», «д», «з», «н» ст. 102 УК РСФСР, ч. 2 ст. 167 УК РФ, Поповских, Морозова, Мирзаянца и Сороки, кроме того, ст. ст. 260, п. «б», 218-1, ч. 3, УК РСФСР и ч. 1 ст. 233 УК РФ, Мирзаянца и Поповских по ч. 1 ст. 286 УК РФ, а Барковского и Морозова по ч. 1 ст. 222 УК РФ,

УСТАНОВИЛ:

При рассмотрении в суде данного уголовного дела были выявлены допущенные прокурорско-следственными работниками Ге-

Судебные решения

неральной прокуратуры РФ грубые нарушения Конституции Российской Федерации, норм уголовно-процессуального закона, ущемляющие права граждан.

Так, 24 апреля 1998 г. по подозрению в совершении умышленного убийства журналиста Дмитрия Холодова старшим следователем по особо важным делам Генеральной прокуратуры РФ старшим советником юстиции Коноваловым Л. К. был задержан гражданин Барковский К. О., имеющий постоянное место жительства и ранее не уклонявшийся от явки по вызовам в правоохранительные органы.

При этом вопреки требованиям ст. 122 УПК РСФСР, в протоколе не были указаны основания его задержания.

27 апреля того же года этим же следователем было вынесено постановление о применении в отношении подозреваемого Барковского меры пресечения в виде заключения под стражу, в котором также не были приведены какие-либо доказательства его виновности.

Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации государственный советник юстиции 1-го класса Катышев М.Б., в нарушение требований ст. 96 УПК РСФСР, при решении вопроса о санкции на арест с материалами дела, содержащими основания для заключения под стражу Барковского, тщательно не ознакомился и лично его не допросил.

К такому выводу суд пришел в результате исследования всех материалов дела и установил, что за более чем три с половиной года с момента возбуждения уголовного дела до момента ареста Барковского, органами предварительного следствия не было добыто каких-либо документов, прямо или косвенно изобличающих его в совершении убийства Холодова или причастности к этому преступлению.

29 апреля 1998 года Барковскому было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ст. 102 п.п. «в», «д», «н» УК РСФСР. В постановлении следователя, вопреки требованиям ст. 114 УПК РСФСР, были указаны обстоятельства совершения Барковским преступления, которые органами предварительного следствия установлены на тот момент не были.

Будучи задержанным и после предъявления обвинения, Барковский виновным себя не признавал, показал о своей непричастности к этому преступлению и заявил, что 17 октября 1994 г., то есть в день совершения преступления, его вообще не было в городе Москве. О своем алиби Барковский сообщал органам след-

Судебные решения

ствия еще 3 апреля 1996 г. на допросе в качестве свидетеля. В ходе последующих пяти допросов Барковский также настаивал на своей невинности.

Однако 9 июля 1998 г. он пишет заявление на имя Генерального прокурора РФ, в котором признается в совершении особо тяжкого преступления, а также рассказывает о причастности к убийству Холодова Сороки и Капунцова.

В судебном заседании Барковский пояснил, что это заявление было написано им в результате угроз, шантажа, психологического и морального давления со стороны оперативных работников уголовного розыска ГУВД г. Москвы Каберова Р. Р. и Семендяева И. Н. Пояснения Барковского об обстоятельствах и мотивах написания им заявления на имя Генерального прокурора РФ нашли свое подтверждение в судебном заседании.

Судом установлено, что в период с 5 мая 1998 г., когда Барковский был переведен из изолятора временного содержания ГУВД г. Москвы в следственный изолятор ИЗ-48/4, по 9 июля того же года с целью проведения опросов и допросов его 42 раза посетили оперативные сотрудники милиции.

Суд считает, что сам факт проведения с обвиняемым, содержащимся под стражей, оперативно-розыскных мероприятий противоречит требованиям и смыслу Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», поскольку сведения, которые добываются в результате оперативно-розыскной деятельности, в данном случае должны были устанавливаться следственным путем.

Кроме того, эти действия оперативных сотрудников милиции грубо попирали конституционные права гражданина, поскольку опросы обвиняемого Барковского проводились в условиях содержания его под стражей, вопреки требованиям ст. 48 Конституции РФ, без приглашения и участия защитника.

Нарушения закона и конституционных прав Барковского происходили при попустительстве и по прямому указанию следователя Коновалова Л. К. и руководителя следственной группы заместителя начальника управления по расследованию особо важных дел Главного следственного управления Генеральной прокуратуры РФ Бакина Е.А.

Судом также установлено, что ни на одном допросе Барковского, в ходе которых он давал так называемые «признательные» показания, ни присутствовали его защитники. Следует отметить, что в течение шести месяцев с момента задержания у Барковского сменились пять защитников.

Судебные решения

16 ноября 1998 г. в дело в качестве защитника Барковского вступает адвокат Мове Л.А., которая начинает активно всеми разрешенными законом методами требовать прекращения практики посещения ее подзащитного оперативными сотрудниками в ее отсутствие.

Жалобы Барковского и его защитника в адрес руководителя следственной группы на действия работников милиции оставались без реагирования, либо на них давались формальные ответы о законности этих действий, а посещения обвиняемого оперативными сотрудниками продолжались.

Видя тщетность своих усилий, адвокат Мове о нарушении прав своего подзащитного доводит до сведения представителей средств массовой информации.

Это обстоятельство дало основание органам предварительного следствия для допроса адвоката Мове в качестве свидетеля, что противоречит требованиям ст. ст. 51 и 72 УПК РСФСР, прямо запрещающим допрос защитника обвиняемого.

Тем не менее, следователь следственной группы Генеральной прокуратуры РФ Емельянов С. В., несмотря на протесты Мове, формально заполнил бланк допроса ее в качестве свидетеля, который затем был приобщен к материалам настоящего уголовного дела, а Мове постановлением руководителя следственной группы Бакина Е. А. исключена из числа участников процесса по данному уголовному делу.

В результате незаконных действий работников Генеральной прокуратуры РФ Барковский, обвиняемый в совершении особо тяжкого преступления, был вовсе лишен защитника до конца следствия, а на его обоснованные требования предоставить в качестве защитника адвоката Мове Л.А., заместитель начальника управления по расследованию особо важных дел Генеральной прокуратуры РФ государственный советник юстиции 3-го класса Е. А. Бакин цинично разъясняет (т. 49 л.д. 263), «что при обеспечении права на защиту следствие руководствуется Вашими (Барковского) интересами и действующим законодательством Российской Федерации (а не США, ЮАР, Зимбабве, Израиля и др.)».

Впоследствии Мове Л.А. органами следствия была включена в список свидетелей, подлежащих вызову в суд. Судом было устранено это нарушение закона, а Мове допущена к участию в суде в качестве защитника Барковского.

15 июля 1998 г. по постановлению следователя Коновалова Л. К. с санкции заместителя Генерального прокурора РФ Катышева М. Б.

Судебные решения

были заключены под стражу подозреваемые военнослужащий Сорока А. М. и гражданин Капунцов А. Е.

Как установлено судом, органами предварительного следствия на момент ареста подозреваемых не было добыто каких-либо доказательств, указывающих даже на причастность Сороки и Капунцова к совершению убийства Холодова, кроме полученных с нарушением закона показаний Барковского. Фактически основанием для ареста Сороки явилось лишь занятие им должности заместителя командира особого отряда войсковой части 28337, а Капунцова — его знакомство с Поповских.

При этом в нарушение требований ст. 47 УПК РСФСР при применении к Сороке и Капунцову меры пресечения в виде заключения под стражу защитники к делу допущены не были.

В период нахождения под стражей с обвиняемыми Сорокой и Капунцовым в условиях следственного изолятора, без приглашения и участия их защитников, систематически, по поручению следователя Генеральной прокуратуры РФ, сотрудниками уголовного розыска проводились оперативно-розыскные мероприятия.

Так, в период с 27 июля по 24 августа 1998 года Капунцова 14 раз с целью проведения опросов и допросов посетили сотрудники 6-го отдела управления уголовного розыска ГУВД г. Москвы Семендяев И. Н и Каберов Р. Р.

Как показал в судебном заседании Капунцов, в ходе этих опросов он подвергался психологическому и моральному давлению со стороны оперативных сотрудников, в адрес его семьи следовали угрозы. В результате оказанного на него давления он вынужден был дать не соответствующие действительности показания о своем участии и участии Поповских, Морозова и Барковского в убийстве Холодова.

При вынесении приговора суд дал оценку этим показаниям Капунцова и пришел к выводу о том, что они не соответствуют не только объективной действительности, но и той версии совершения преступления, которую изложили органы предварительного расследования в обвинительном заключении.

Защиту Капунцова осуществлял адвокат Бродницкий Н.Н., который до этого являлся защитником Морозова В. В. При этом, интересы Капунцова противоречили интересам Морозова, который не признавал себя виновным.

Это обстоятельство в соответствии со ст. 67-1 УПК РСФСР исключало возможность участия в деле адвоката Бродницкого Н. Н.

Судебные решения

в качестве защитника Капунцова. Однако адвокат Бродницкий Н.Н., в отличие от адвоката Мове Л. А., следователем отведен не был, и продолжал осуществлять защиту Капунцова практически до окончания предварительного расследования.

Таким образом, суд считает установленным, что Барковский, Сорока и Капунцов были задержаны и заключены под стражу работниками Генеральной прокуратуры РФ без достаточных к тому оснований. При этом их права, как обвиняемых, грубо попирались и нарушались с ведома, а в некоторых случаях, по прямому указанию прокурорско-следственных работников Генеральной прокуратуры РФ.

Барковский, Капунцов, Сорока, как и Поповских, Морозов и Мирзаянц, судом оправданы по всем пунктам предъявленных им обвинений.

30 июня 1999 года руководителем следственной группы было вынесено постановление о выделении уголовного дела в отношении не установленных следствием лиц-членов организованной группы, в отдельное производство. В Постановлении указано, что в ходе расследования выделенного дела необходимо установить, кто именно, помимо обвиняемых, осуществлял контроль за профессиональной деятельностью журналиста Холодова; вел наружное наблюдение за ним и устанавливал источники его информации; кто создавал алиби участникам преступной группы (выезжал в Советский РВК г. Рязани за получением личного дела Барковского и доставил его в г. Москву); вел с Холодовым телефонные переговоры в день взрыва; контролировал перевозку журналистом СВУ с Казанского вокзала в редакцию и передал ему ключ от портфеля-дипломата.

Расследование выделенного уголовного дела, находящегося в производстве следователя управления по расследованию особо важных дел Генеральной прокуратуры РФ, по непонятным причинам «активизировалось» спустя 4 года после вынесения постановления, в период, когда уголовное дело в отношении Барковского, Капунцова, Мирзаянца, Морозова, Поповских и Сороки рассматривалось судом.

Было установлено, что свидетели — бывшие военнослужащие особого отряда войсковой части 28337 после их допроса в судебном заседании вызывались на допросы в Генеральную прокуратуру РФ. С ними проводились следственные действия, в частности, следственные эксперименты с выездом на полигон в район пос. Романцево, которые, по мнению суда, не вызывались необходи-

Судебные решения

мостью выявления лиц, причастных к слежке за Холодовым или созданию алиби обвиняемым.

В качестве свидетеля на допрос в Генеральную прокуратуру РФ вызывался даже Сорока, являющийся подсудимым, и чье дело слушалось в этот период времени в суде.

А свидетели Кущазли И.А., Семенов И.П. и Шарапов И.В. прямо показали, что их перед судебным заседанием вызывали на допрос в Генеральную прокуратуру РФ и допрашивали по тем же обстоятельствам, которые у них должны были выясняться в суде.

Данные действия сотрудников Генеральной прокуратуры РФ суд расценивает как давление на свидетелей, подлежащих допросу в судебном заседании. Суд полагает, что о данных обстоятельствах не могла не знать первый заместитель начальника управления по расследованию особо важных дел Генеральной прокуратуры РФ старший советник юстиции Алешина И.Ф., возглавляющая группу государственных обвинителей в судебном заседании по настоящему уголовному делу.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 29, ч. 4, 256 УПК РФ, Московский окружной военный суд

ОПРЕДЕЛИЛ:

обратить внимание Генерального прокурора Российской Федерации на допущенные при расследовании уголовного дела об убийстве журналиста Дмитрия Холодова нарушения Конституции России, норм уголовно-процессуального закона.

О принятых мерах по настоящему частному определению Генеральному прокурору Российской Федерации надлежит сообщить в месячный срок в Московский окружной военный суд.

На частное определение могут быть поданы кассационные жалобы либо кассационное представление в Военную коллегия Верховного суда Российской Федерации через Московский окружной военный суд в течение десяти суток со дня его провозглашения.

Одобрено
Советом Федеральной палаты адвокатов
Российской Федерации
(протокол № 5 от 22 апреля 2004 года)

**МЕРЫ ПО ЗАЩИТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРАВ
АДВОКАТА
(ПОСОБИЕ ДЛЯ АДВОКАТОВ)**

(Продолжение. Начало публикации в № 6(8))

Приложение

**СУДЕБНЫЕ РЕШЕНИЯ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИЕ ПРАВА
АДВОКАТА И МЕРЫ ПО ИХ ЗАЩИТЕ**

I

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 26 декабря 2003 г. № 20-П**

**ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ
ПОЛОЖЕНИЙ ЧАСТЕЙ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ СТАТЬИ 118 УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ
С ЖАЛОБОЙ ШЕНГЕЛЯ ЗАЗЫ РЕВАЗОВИЧА**

Именем Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе председательствующего А.Л. Кононова, судей Н. С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Л.О.Красавчиковой, Ю.Д. Рудкина, А.Я.Сливы, В. Г. Стрекозова, Б. С. Эбзеева, В. Г.Ярославцева,

с участием представителя заявителя — адвоката Н. В. Пономаревой и представителя Совета Федерации — доктора юридических наук Е. В. Виноградовой,

руководствуясь статьей 125 (пункт 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, пунктом 3 части второй статьи 22, статьями 36, 74, 96, 97, 99 и 86 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности отдельных положений частей первой и второй статьи 118 УИК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Грузии З.Р. Шенгелая на нарушение его конституционных прав положениями частей первой и второй статьи 118 УИК Российской Федерации. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации примененные в деле заявителя положения части первой и пункта «г» части второй статьи 118 УИК Российской Федерации, в силу которых запрещаются свидания осужденным к лишению свободы, водворенным в штрафной изолятор исправительных учреждений, а осужденным, переведенным в порядке взыскания в помещение камерного типа, допускается иметь с разрешения администрации исправительного учреждения только одно краткосрочное свидание в течение шести месяцев.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю.Д. Рудкина, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Генерального прокурора Российской Федерации — О. Б. Лысыгина, от Министерства юстиции Российской Федерации — О. В. Филимонова, от Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации — В. И. Селиверстова, от Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации — В. Ф. Абрамкина, от Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации — Ю. М. Боровкова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

УСТАНОВИЛ:

1.3. Р. Шенгелая, осужденный за совершение разбоя (пункты «а», «б» части третьей статьи 162 УК Российской Федерации) к

двенадцати годам лишения свободы и отбывавший наказание в колонии общего режима, по постановлению суда был переведен на три года на тюремный режим отбывания наказания. Как в период нахождения в колонии, так и в период нахождения в тюрьме за злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания он подвергался дисциплинарным взысканиям в виде перевода в помещение камерного типа и водворения в штрафной изолятор. При этом администрация названных учреждений со ссылкой на положения статьи 118 УИК Российской Федерации отказывала адвокату, приглашавшемуся по просьбе З. Р. Шенгеляя для оказания помощи в подготовке жалоб на приговор, другие судебные решения и на решения администрации исправительных учреждений о наложении дисциплинарных взысканий, в предоставлении свиданий с клиентом.

В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации З. Р. Шенгеляя утверждает, что в соответствии с примененными в отношении него положениями части первой и пункта «г» части второй статьи 118 УИК Российской Федерации — во взаимосвязи со статьей 89 того же Кодекса, регламентирующей порядок предоставления свиданий осужденному к лишению свободы, — осужденный, переведенный в штрафной изолятор или в помещение камерного типа, лишается права на свидания с адвокатом, причем на неопределенное время, поскольку эти виды дисциплинарных взысканий могут назначаться подряд неограниченное число раз в связи с новыми нарушениями. Тем самым, по мнению заявителя, ущемляются его права на получение квалифицированной юридической помощи и на защиту его прав и свобод, в том числе путем обжалования приговора, других судебных решений, а также решений администрации исправительного учреждения о наложении дисциплинарных взысканий, что противоречит статьям 45 (пункт 1), 48 (пункт 1) и 50 (пункт 3) Конституции Российской Федерации.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются положения части первой и пункта «г» части второй статьи 118 УИК Российской Федерации, которыми устанавливаются ограничения права осужденных, водворенных в штрафной изолятор или переведенных в помещение камерного типа, на свидания, во взаимосвязи с положениями статьи 89 данного Кодекса, регламентирующими предоставление осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы, свиданий с адвокатами и иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи.

2. Согласно статье 48 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи (пункт 1), а каждому задержанному, заключенному под стражу, обвиняемому в совершении преступления — право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения (пункт 2). Исходя из того, что Конституция Российской Федерации определяет начальный, но не конечный момент осуществления обвиняемым права на помощь адвоката (защитника), данное право должно обеспечиваться ему на всех стадиях уголовного процесса, в том числе при производстве в надзорной инстанции, а также при исполнении приговора. Само по себе осуждение лица за совершенное преступление и даже назначение ему в качестве наказания лишения свободы не могут признаваться достаточным основанием для ограничения его в праве на защиту своих прав и законных интересов путем обжалования приговора и других решений по уголовному делу, заявления ходатайств о смягчении назначенного по приговору суда наказания, возражения против представления администрации учреждения, исполняющего наказание, об изменении назначенного судом наказания на более тяжкое или об изменении режима отбывания наказания.

С учетом особенностей статуса осужденного право на квалифицированную юридическую помощь гарантируется ему не только для обеспечения возможности отстаивать свои интересы в рамках уголовного процесса, но и для защиты от ущемляющих его права и законные интересы действий и решений органов и учреждений, исполняющих наказание. То обстоятельство, что осужденный, отбывающий наказание в виде лишения свободы, и тем более водворенный в штрафной изолятор или переведенный в помещение камерного типа, находится в подчиненном, зависимом от администрации исполняющего наказание учреждения положении и ограничен в правомочиях лично защищать свои права и законные интересы, предопределяет особую значимость безотлагательного обеспечения ему права пригласить для оказания юридической помощи адвоката (защитника) и реальной возможности воспользоваться ею.

Реализация осужденным права на помощь адвоката (защитника), как и права на квалифицированную юридическую помощь в целом, в том числе по вопросам, связанным с применением дисциплинарных взысканий за нарушения установленного порядка

отбывания наказания, предполагает создание условий, позволяющих ему сообщить адвокату о существовании своих требований по тому или иному вопросу и предоставить всю необходимую для их отстаивания информацию, а адвокату — оказать своему доверителю консультативную помощь и согласовать с ним действия по защите его прав и законных интересов.

В этих целях Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает, что обвиняемый — вне зависимости от стадии уголовного судопроизводства — имеет право пользоваться помощью защитника и иметь свидания с ним наедине и конфиденциально, а защитник, в свою очередь, вправе иметь свидания с подзащитным, знакомиться с материалами уголовного дела, подготавливать и подавать жалобы в защиту его интересов (статьи 16, 47 и 53).

Право на получение юридической помощи гарантируется осужденным и Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации (статья 12). Для ее получения осужденному, согласно части четвертой статьи 89 УИК Российской Федерации, по его заявлению предоставляются свидания с адвокатами или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи; по желанию осужденного и указанных лиц свидания могут предоставляться наедине.

Введенным в действие с 1 июля 2002 года Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» также предусматривается, что адвокат вправе беспрепятственно встречаться со своим доверителем наедине, в условиях, обеспечивающих конфиденциальность (в том числе в период его содержания под стражей), совершать иные действия, не противоречащие законодательству Российской Федерации (статья 6).

Закрепляя право адвоката на свидание с обвиняемым или иным доверителем, законодательство Российской Федерации гарантирует, что число свиданий и их продолжительность не могут быть ограничены (пункт 9 части четвертой статьи 47 УПК Российской Федерации, подпункт 5 пункта 3 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»),

3. Непосредственное общение с адвокатом — важная составляющая права на получение квалифицированной юридической помощи, которое в силу Конституции Российской Федерации ни при каких условиях не подлежит произвольному ограничению, в том числе в части определения количества и продолжительности

предоставляемых в этих целях свиданий. Федеральный законодатель, как следует из статей 71 (пункты «в», «о») и 76 (пункт 1) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 55 (пункт 3), вправе конкретизировать содержание закрепленного в статье 48 (пункт 2) Конституции Российской Федерации права и устанавливает правовые механизмы его осуществления, условия и порядок реализации, но при этом не должен допускать искажения существа данного права и введения таких его ограничений, которые не согласовывались бы с конституционно значимыми целями. Данная правовая позиция, сформулированная Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 25 октября 2001 года по делу о проверке конституционности положений, содержащихся в статьях 47 и 51 УПК РСФСР и пункте 15 части второй статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», сохраняет свою силу.

Право каждого задержанного или находящегося в заключении лица связываться и консультироваться с адвокатом провозглашено и в утвержденном Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1988 года Своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, предусматривающем предоставление необходимых для этого времени и условий и недопустимость временных отмены или ограничения права на посещение заключенного адвокатом без промедления и цензуры, кроме исключительных обстоятельств, которые определяются законом или установленными в соответствии с законом правилами, когда, по мнению судебного или иного органа, это необходимо для поддержания безопасности и порядка (пункты 1, 2 и 3 принципа 18).

Конституционные положения о праве на получение квалифицированной юридической помощи применительно к осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы, конкретизированы в части четвертой статьи 89 УИК Российской Федерации, которая связывает предоставление свиданий с адвокатами и иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи осужденным, только с подачей осужденным соответствующего заявления. Каких-либо дополнительных, носящих ограничительный характер условий предоставления осужденному свиданий с адвокатом закон не предусматривает, из чего следует, что администрация не вправе отказать в удовлетворении заявления осужденного о свидании с приглашенным им адвокатом.

Это согласуется с выраженной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 25 октября 2001 года правовой позицией, согласно которой выполнение адвокатом процессуальных обязанностей защитника не может быть поставлено в зависимость от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, а реализация закрепленного в статье 48 (пункт 2) Конституции Российской Федерации права подозреваемого и обвиняемого пользоваться помощью адвоката (защитника), в том числе иметь с ним свидания, не может быть обусловлена разрешением соответствующего должностного лица или органа.

Об уведомительном, а не разрешительном, характере предусмотренного пунктом четвертой статьи 89 УИК Российской Федерации порядка предоставления осужденному свиданий с адвокатом свидетельствует, в частности, закрепление в параграфе 14 принятых на основе Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений (утверждены Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 30 июля 2001 года N 224) положения, согласно которому количество и продолжительность свиданий осужденного с адвокатом не ограничиваются.

Не вытекает право администрации учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, отказать осужденному в свидании с адвокатом и из рассматриваемых положений статьи 118 УИК Российской Федерации, содержащих запрет на свидания для осужденных, водворенных в штрафной изолятор (пункт первая), и ограничение количества свиданий одним краткосрочным свиданием в течение шести месяцев для осужденных, переведенных в единое помещение камерного типа, помещение камерного типа или одиночную камеру (пункт «г» части второй). Названные положения устанавливают особые условия содержания осужденных к лишению свободы в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, единых помещениях камерного типа, одиночных камерах и не содержат каких-либо предписаний, регламентирующих получение осужденным юридической помощи, в том числе предоставление ему свиданий с приглашенным адвокатом, и, следовательно, не могут расцениваться как затрагивающие право на квалифицированную юридическую помощь.

Как следует из статьи 89 УИК Российской Федерации, законодатель, предусматривая предоставление свиданий осужденным к лишению свободы, различает, с одной стороны, свидания, ко-

торые предоставляются им в целях сохранения социально-полезных связей с родственниками и иными лицами, и с другой — свидания с адвокатами и иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, в целях реализации осужденными конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи. Именно с учетом различий в правовой природе и сущности этих видов свиданий, законодатель, хотя и использует для их обозначения один и тот же термин, вместе с тем по-разному подходит к их регламентации исходя из того, что, если режим свиданий осужденного с родственниками и иными лицами предполагает нормативную определенность в части, касающейся продолжительности, частоты, порядка их предоставления и проведения, а также возможных ограничений, то правовой режим свиданий с адвокатами, как обеспечиваемый непосредственным действием права, закрепленного в статье 48 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, не требует подобного урегулирования. Свидетельством нетождественности указанных видов свиданий является и то, что свидания с адвокатами и лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, не засчитываются в число свиданий с родственниками и иными лицами (параграф 14 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений).

Таким образом, положения части первой и пункта «г» части второй статьи 118 УИК Российской Федерации — по их конституционно-правовому смыслу в системе норм — не могут расцениваться как допускающие возможность ограничения права осужденного, переведенного в период отбывания наказания в виде лишения свободы в штрафной изолятор или помещение камерного типа, на свидания с адвокатом или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи.

Иное истолкование данных положений лишило бы этих лиц возможности в полной мере воспользоваться гарантированными им Конституцией Российской Федерации правом на получение квалифицированной юридической помощи и правом на судебную защиту, ограничение которых, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, не может быть оправдано целями, указанными в статье 55 (пункт 3) Конституции Российской Федерации, и недопустимо ни при каких обстоятельствах (Постановления от 13 ноября 1995 года по делу о проверке конституционности части пятой статьи 209 УПК РСФСР, от 27 марта 1996 года по делу о проверке конституционности статей 1 и

21 Закона Российской Федерации «О государственной тайне», от 27 июня 2000 года по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР).

Исходя из изложенного и руководствуясь статьей 6, частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

ПОСТАНОВИЛ:

1. Признать положения части первой и пункта «г» части второй статьи 118 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу во взаимосвязи со статьей 89 данного Кодекса эти положения не предполагают, что установленные ими ограничения распространяются на свидания осужденных, находящихся в штрафных изоляторах и помещениях камерного типа, с адвокатами и иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, и тем самым не препятствуют получению ими квалифицированной юридической помощи.

Конституционно-правовой смысл указанных положений, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

2. Согласно частям первой и второй статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

3. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете» и «Собрании законодательства Российской Федерации». Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

II

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ
от 12 мая 2003 г. № 173-0

**ПО ЖАЛОБЕ ГРАЖДАНИНА КОВАЛЯ СЕРГЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА
НА НАРУШЕНИЕ ЕГО КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ПОЛОЖЕНИЯМИ
СТАТЕЙ 47 И 53 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Конституционный Суд Российской Федерации в составе
Председателя В. Д. Зорькина, судей М. В. Баглая, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С. М. Казанцева, М.И.Клеандрова, А. Л. Кононова, Л. О. Красавчиковой, В. О. Лучина, Ю.Д. Рудкина, А. Я. Сливы, В. Г. Стрекозова, О. С. Хохряковой, Б. С. Эбзеева, В. Г. Ярославцева,

заслушав в пленарном заседании заключение судьи А. Л. Кононова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина С. В. Ковалья

УСТАНОВИЛ:

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин С.В.Коваль, обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного подпунктами «а» и «в» части второй статьи 163 УК Российской Федерации, оспаривает конституционность пункта 12 части четвертой статьи 47 и пункта 7 части первой статьи 53 УПК Российской Федерации, закрепляющих право обвиняемого и его защитника знакомиться со всеми материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования по данному делу.

Как следует из представленных материалов, со ссылкой на эти нормы судебная коллегия по уголовным делам Тверского областного суда, рассматривавшая в кассационном порядке жалобу защитника С.В.Коваля — адвоката О.В.Котельниковой на Постановление Пролетарского районного суда города Твери от 12 ноября 2002 года о продлении срока содержания С.В.Коваля под стражей, отказала ей в ознакомлении с представленными в суд первой инстанции материалами, обосновывающими соответствующее ходатайство следователя.

По мнению заявителя, данные нормы, как не содержащие прямого указания на право защитника знакомиться с представленными в суд материалами, обосновывающими ходатайство о задержании, аресте или продлении срока содержания под стражей, препятствуют получению обвиняемым квалифицированной юридической помощи адвоката, нарушают конституционный принцип состязательности и равноправия сторон и тем самым противоречат статьям 2, 17 (пункт 1), 18, 45, 46 (пункт 1), 48 (пункт 1) и 123 (пункт 3) Конституции Российской Федерации.

2. Статья 24 (пункт 2) Конституции Российской Федерации обязывает органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностных лиц обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом.

В силу непосредственного действия названной конституционной нормы любая затрагивающая права и свободы гражданина информация (за исключением сведений, содержащих государственную тайну, сведений о частной жизни, а также конфиденциальных сведений, связанных со служебной, коммерческой, профессиональной и изобретательской деятельностью) должна быть ему доступна, при условии, что законодателем не предусмотрен специальный правовой статус такой информации в соответствии с конституционными принципами, обосновывающими необходимость и соразмерность ее особой защиты.

Данная правовая позиция, сформулированная в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2000 года по делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», полностью применима к ситуациям, связанным с обеспечением доступа лиц, чьи права и свободы затрагиваются решени-

ями об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей, к материалам, на основании которых следователь ставит перед судом вопрос о необходимости принятия таких решений.

В силу правовой позиции, изложенной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 27 июня 2000 года по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР, отказ защитнику в ознакомлении с документами, которые подтверждают законность и обоснованность применения к подозреваемому или обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу, не может быть оправдан интересами следствия или иными конституционно значимыми целями, допускающими соразмерные ограничения прав и свобод (статья 55, пункт 3 Конституции Российской Федерации).

Поскольку в соответствии со статьей 55 (пункт 3) Конституции Российской Федерации ограничения права граждан на доступ к информации могут быть установлены только законом, а пункт 12 части четвертой статьи 47 и пункт 7 части первой статьи 53 УПК Российской Федерации не содержат каких-либо указаний на необходимость введения подобных ограничений в отношении обвиняемого и его защитника, применение названных норм должно осуществляться в соответствии с приведенными правовыми позициями. Кроме того, следует иметь в виду, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предоставляет защитнику право знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, которые предъявлены либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому (пункт 6 части первой статьи 53).

Таким образом, пункт 12 части четвертой статьи 47 и пункт 7 части первой статьи 53 УПК Российской Федерации не могут рассматриваться как препятствующие обвиняемым и их адвокатам иметь доступ к соответствующей информации при рассмотрении судом вопросов об аресте и продлении сроков содержания обвиняемого под стражей.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 3 части первой статьи 43 и пунктом первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

ОПРЕДЕЛИЛ:

1. Положения пункта 12 части четвертой статьи 47 и пункта 7 части первой статьи 53 УПК Российской Федерации — по конституционно-правовому смыслу, выявленному в настоящем Определении на основе правовых позиций, выраженных в сохраняющих свою силу постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации, — не препятствуют обвиняемым, права и свободы которых затрагиваются судебными решениями об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей, и их защитникам в ознакомлении с материалами, на основании которых принимаются эти решения.

Конституционно-правовой смысл пункта 12 части четвертой статьи 47 и пункта 7 части первой статьи 53 УПК Российской Федерации является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

2. Признать жалобу гражданина Коваля Сергея Владимировича не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного в ней вопроса в соответствии с Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» не требуется вынесения предусмотренного его статьей 71 итогового решения в виде постановления.

3. Дело гражданина Коваля Сергея Владимировича в соответствии с настоящим Определением подлежит пересмотру в обычном порядке, если для этого нет других препятствий.

4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

5. Настоящее Определение подлежит опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

III

ОБЗОР

**СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ ЗА ТРЕТИЙ КВАРТАЛ 2003 ГОДА**

13. При рассмотрении вопроса о продлении срока содержания под стражей суд необоснованно отклонил ходатайство подсудимого об отложении судебного заседания до явки защитника.

Постановлением судьи от 24 сентября 2002 года Московцу, обвиняемому в совершении преступлений, предусмотренных п. п. «в», «ж», «з», «к», «н» ч. 2 ст. 105, п. «в» ч. 3 ст. 162, ч. 2 ст. 325, п. п. «а», «б» ч. 3 ст. 159 УК РФ, и другим продлен срок содержания под стражей на 3 месяца.

В кассационной жалобе адвокат просила отменить постановление судьи и освободить Московца из-под стражи. По мнению адвоката, судом необоснованно рассмотрен вопрос о продлении срока содержания Московца под стражей в ее отсутствие, хотя она осуществляет его защиту и своевременно известила суд о невозможности ее явки в судебное заседание в связи с болезнью.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление судьи по следующим основаниям.

По смыслу ст. ст. 255, 256 УПК РФ вопросы о продлении срока содержания подсудимого под стражей разрешаются судом в судебном заседании и определение или постановление судьи об этом выносятся в совещательной комнате.

В соответствии с ч. 2 ст. 248 УПК РФ при неявке защитника и невозможности его замены судебное разбирательство откладывается. Замена защитника производится в соответствии с ч. 3 ст. 50 УПК РФ.

Однако эти требования закона судом не выполнены.

Как следует из материалов дела, защитник подсудимого в судебное заседание не явилась. Подсудимый Московец возражал против рассмотрения вопроса о продлении срока содержания его

под стражей в отсутствие защитника и просил суд отложить слушание дела на пять суток и дать ему возможность пригласить другого адвоката.

Срок содержания под стражей Московца истекал 30 сентября 2002 года, и суд имел возможность отложить дело на 5 суток и решить вопрос о замене защитника.

Однако в удовлетворении ходатайства подсудимому было отказано, и вопрос о продлении срока содержания его под стражей на три месяца был разрешен в отсутствие защитника.

Изложенное свидетельствует о нарушении предусмотренного п. 8 ч. 4 ст. 47 УПК РФ права подсудимого пользоваться помощью защитника.

Разъяснение, сделанное председательствующим в судебном заседании о том, что неявка без уважительных причин сторон, своевременно извещенных о времени судебного заседания, не является препятствием для рассмотрения вопроса о продлении срока содержания под стражей, не основано на законе.

Указанное требование закреплено в ч. 8 ст. 109, ч. 4 ст. 108 УПК РФ, регулирующих вопросы, связанные с продлением срока содержания обвиняемых под стражей на период расследования дела.

Настоящее же дело находилось в производстве суда, а поэтому при рассмотрении вопросов о продлении срока содержания под стражей суд должен руководствоваться требованиями главы 35 УПК РФ об общих условиях судебного разбирательства.

Кроме того, данные о том, что неявка защитника вызвана неуважительными причинами, в материалах дела отсутствуют. Причина неявки адвоката судом не выяснялась. В жалобе же адвокат утверждала, что она не явилась в судебное заседание в связи с болезнью.

Допущенное нарушение закона путем ограничения права подсудимого на защиту повлияло на вынесение законного и обоснованного решения, в связи с чем постановление судьи в отношении Московца отменено, а дело направлено на новое судебное рассмотрение.

**Определение № 78-002-173
по делу Московца**

14. Наложение денежного взыскания на адвоката за нарушение им порядка в судебном заседании законом не предусмотрено (ст. 258 УПК РФ).

Документы Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации

При рассмотрении уголовного дела за нарушение адвокатом порядка в судебном заседании суд принял решение о наложении на него денежного взыскания в сумме 1000 рублей.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ определение суда отменила по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 1 ст. 258 УПК РФ денежное взыскание за нарушение порядка в судебном заседании налагается на лицо, присутствующее в зале судебного заседания.

В отношении обвинителя или защитника ч. 2 ст. 258 УПК РФ предусмотрены иные меры воздействия за неподчинение распоряжениям председательствующего. Такие меры воздействия на этих лиц, как наложение денежного взыскания, указанный закон не предусматривает.

**Определение № 15-002-29
по делу Вахтерова**

IV

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 10 октября 2003 г. № 5

**О ПРИМЕНЕНИИ СУДАМИ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ
ОБЩЕПРИЗНАННЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации согласно части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации являются составной пунктом ее правовой системы.

Федеральным законом от 15 июля 1995 г. N 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» установлено, что Российская Федерация, выступая за соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права — принципу добросовестного выполнения международных обязательств.

Международные договоры являются одним из важнейших средств развития международного сотрудничества, способствуют расширению международных связей с участием государственных и негосударственных организаций, в том числе с участием субъектов национального права, включая физических лиц. Международным договорам принадлежит первостепенная роль в сфере защиты прав человека и основных свобод. В связи с этим необходимо дальнейшее совершенствование судебной деятельности, связанной с реализацией положений международного права на внутригосударственном уровне.

В целях обеспечения правильного и единообразного применения судами международного права при осуществлении правосудия Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановляет дать следующие разъяснения:

1. В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (пункт 1 статьи 17 Конституции Российской Федерации).

Согласно части 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод.

Исходя из этого, а также из положений части 4 статьи 15, части 1 статьи 17, статьи 18 Конституции Российской Федерации права и свободы человека согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, а также международным договорам Российской Федерации являются непосредственно действующими в пределах юрисдикции Российской Федерации. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо.

К общепризнанным принципам международного права, в частности, относятся принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств.

Под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного.

Содержание указанных принципов и норм международного права может раскрываться, в частности, в документах Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений.

2. Международные договоры Российской Федерации наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются составной пунктом ее правовой системы (пункт 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, пункт 1 статьи 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»).

Пунктом правовой системы Российской Федерации являются также заключенные СССР действующие международные договоры, в отношении которых Российская Федерация продолжает осу-

ществлять международные права и обязательства СССР в качестве государства — продолжателя Союза ССР.

Согласно пункту «а» статьи 2 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» под международным договором Российской Федерации надлежит понимать международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами) либо с международной организацией в письменной форме и регулируемое международным правом независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких, связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования (например, конвенция, пакт, соглашение и т.п.).

Международные договоры Российской Федерации могут заключаться от имени Российской Федерации (межгосударственные договоры), от имени Правительства Российской Федерации (межправительственные договоры) и от имени федеральных органов исполнительной власти (межведомственные договоры).

3. Согласно части 3 статьи 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации,

не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты.

К признакам, свидетельствующим о невозможности непосредственного применения положений международного договора Российской Федерации, относятся, в частности, содержащиеся в договоре указания на обязательства государств-участников по внесению изменений во внутреннее законодательство этих государств.

При рассмотрении судом гражданских, уголовных или административных дел непосредственно применяется такой международный договор Российской Федерации, который вступил в силу и стал обязательным для Российской Федерации и положения которого не требуют издания внутригосударственных актов для их применения и способны порождать права и обязанности для субъектов национального права (пункт 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, части 1 и 3 статьи 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», пункт 2 статьи 7 ГК РФ).

4. Решая вопрос о возможности применения договорных норм международного права, суды должны исходить из того, что меж-

дународный договор вступает в силу в порядке и в дату, предусмотренные в самом договоре или согласованные между участвовавшими в переговорах государствами. При отсутствии такого положения или договоренности договор вступает в силу, как только будет выражено согласие всех участвовавших в переговорах государств на обязательность для них договора (статья 24 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года).

Судам надлежит иметь в виду, что международный договор подлежит применению, если Российская Федерация в лице компетентных органов государственной власти выразила согласие на обязательность для нее международного договора посредством одного из действий, перечисленных в статье 6 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» (путем подписания договора; обмена документами, его образующими; ратификации договора; утверждения договора; принятия договора; присоединения к договору; любым иным способом, о котором условились договаривающиеся стороны), а также при условии, что указанный договор вступил в силу для Российской Федерации (например, Конвенция о защите прав человека и основных свобод была ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ, а вступила в силу для Российской Федерации 5 мая 1998 года — в день передачи ратификационной грамоты на хранение Генеральному секретарю Совета Европы согласно статье 59 этой Конвенции).

Исходя из смысла частей 3 и 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, части 3 статьи 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» судами непосредственно могут применяться те вступившие в силу международные договоры, которые были официально опубликованы в Собрании законодательства Российской Федерации или в Бюллетене международных договоров в порядке, установленном статьей 30 указанного Федерального закона. Международные договоры Российской Федерации межведомственного характера опубликовываются по решению федеральных органов исполнительной власти, от имени которых заключены такие договоры, в официальных изданиях этих органов.

Международные договоры СССР, обязательные для Российской Федерации как государства — продолжателя Союза ССР, опубликованы в официальных изданиях Совета Министров (Кабинета Министров) СССР. Тексты указанных договоров публиковались также в сборниках международных договоров СССР, но эта публикация не являлась официальной.

Официальные сообщения Министерства иностранных дел Российской Федерации о вступлении в силу международных договоров, заключенных от имени Российской Федерации и от имени Правительства Российской Федерации, подлежат опубликованию в том же порядке, что и международные договоры (статья 30 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»),

5. Международные договоры, которые имеют прямое и непосредственное действие в правовой системе Российской Федерации, применимы судами, в том числе военными, при разрешении гражданских, уголовных и административных дел, в частности:

при рассмотрении гражданских дел, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем законом Российской Федерации, который регулирует отношения, ставшие предметом судебного рассмотрения;

при рассмотрении гражданских и уголовных дел, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила судопроизводства, чем гражданским процессуальным или уголовно-процессуальным законом Российской Федерации;

при рассмотрении гражданских или уголовных дел, если международным договором Российской Федерации регулируются отношения, в том числе отношения с иностранными лицами, ставшие предметом судебного рассмотрения (например, при рассмотрении дел, перечисленных в статье 402 ГПК РФ, ходатайств об исполнении решений иностранных судов, жалоб на решения о выдаче лиц, обвиняемых в совершении преступления или осужденных судом иностранного государства);

при рассмотрении дел об административных правонарушениях, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законодательством об административных правонарушениях.

Обратить внимание судов на то, что согласие на обязательность международного договора для Российской Федерации должно быть выражено в форме федерального закона, если указанным договором установлены иные правила, чем Федеральным законом (пункт 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, части 1 и 2 статьи 5, статья 14, пункт «а» части 1 статьи 15 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», пункт 2 статьи 1 ГПК РФ, пункт 3 статьи 1 УПК РФ).

6. Международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут приме-

няться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом (например, Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года, Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 года, Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 года).

Исходя из статьи 54 и пункта «о» статьи 71 Конституции Российской Федерации, а также статьи 8 УК РФ уголовной ответственности в Российской Федерации подлежит лицо, совершившее деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации.

В связи с этим международно-правовые нормы, предусматривающие признаки составов преступлений, должны применяться судами Российской Федерации в тех случаях, когда норма Уголовного кодекса Российской Федерации прямо устанавливает необходимость применения международного договора Российской Федерации (например, статьи 355 и 356 УК РФ).

7. В силу части 4 статьи 11 УК РФ вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, которые пользуются иммунитетом, в случае совершения этими лицами преступления на территории Российской Федерации разрешается в соответствии с нормами международного права (в частности, в соответствии с Конвенцией о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций 1946 года, Конвенцией о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений 1947 года, Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 года, Венской конвенцией о консульских сношениях 1963 года).

В круг лиц, пользующихся иммунитетом, входят, например, главы дипломатических представительств, члены представительств, имеющие дипломатический ранг, и члены их семей, если последние не являются гражданами государства пребывания. К иным лицам, пользующимся иммунитетом, относятся, в частности, главы государств, правительств, главы внешнеполитических ведомств государств, члены персонала дипломатического представительства, осуществляющие административно-техническое обслуживание представительств, члены их семей, проживающие вместе с указанными лицами, если они не являются гражданами государства пребывания или не проживают в нем постоянно, а

также другие лица, которые пользуются иммунитетом согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации.

8. Правила действующего международного договора Российской Федерации, согласие на обязательность которого было принято в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении законов Российской Федерации.

Правила действующего международного договора Российской Федерации, согласие на обязательность которого было принято не в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении подзаконных нормативных актов, изданных органом государственной власти, заключившим данный договор (пункт 4 статьи 15, статьи 90, 113 Конституции Российской Федерации).

9. При осуществлении правосудия суды должны иметь в виду, что по смыслу части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, статей 369, 379, части 5 статьи 415 УПК РФ, статей 330, 362 — 364 ГПК РФ неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации может являться основанием к отмене или изменению судебного акта. Неправильное применение нормы международного права может иметь место в случаях, когда судом не была применена норма международного права, подлежащая применению, или, напротив, суд применил норму международного права, которая не подлежала применению, либо когда судом было дано неправильное толкование нормы международного права.

10. Разъяснить судам, что толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (раздел 3; статьи 31 — 33).

Согласно пункту «б» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования.

Российская Федерация, как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод, признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место

после вступления их в силу в отношении Российской Федерации (статья 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»). Поэтому применение судами вышеназванной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

11. Конвенция о защите прав человека и основных свобод обладает собственным механизмом, который включает обязательную юрисдикцию Европейского Суда по правам человека и систематический контроль за выполнением постановлений Суда со стороны Комитета министров Совета Европы. В силу пункта 1 статьи 46 Конвенции эти постановления в отношении Российской Федерации, принятые окончательно, являются обязательными для всех органов государственной власти Российской Федерации, в том числе и для судов.

Выполнение постановлений, касающихся Российской Федерации, предполагает в случае необходимости обязательство со стороны государства принять меры частного характера, направленные на устранение нарушений прав человека, предусмотренных Конвенцией, и последствий этих нарушений для заявителя, а также меры общего характера, с тем чтобы предупредить повторение подобных нарушений. Суды в пределах своей компетенции должны действовать таким образом, чтобы обеспечить выполнение обязательств государства, вытекающих из участия Российской Федерации в Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Если при судебном рассмотрении дела были выявлены обстоятельства, которые способствовали нарушению прав и свобод граждан, гарантированных Конвенцией, суд вправе вынести частное определение (или постановление), в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на обстоятельства и факты нарушения указанных прав и свобод, требующие принятия необходимых мер.

12. При осуществлении судопроизводства суды должны принимать во внимание, что в силу пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право на судебное разбирательство в разумные сроки. При исчислении указанных сроков по уголовным делам судебное разбирательство охватывает как процедуру предварительного следствия, так и непосредственно процедуру судебного разбирательства.

Согласно правовым позициям, выработанным Европейским Судом по правам человека, сроки начинают исчисляться со времени, когда лицу предъявлено обвинение или это лицо задержано, заключено под стражу, применены иные меры процессуального принуждения, а заканчиваются в момент, когда приговор вступил в законную силу или уголовное дело либо уголовное преследование прекращено.

Сроки судебного разбирательства по гражданским делам в смысле пункта 1 статьи 6 Конвенции начинают исчисляться со времени поступления искового заявления, а заканчиваются в момент исполнения судебного акта.

Таким образом, по смыслу статьи 6 Конвенции исполнение судебного решения рассматривается как составляющая «судебного разбирательства». С учетом этого при рассмотрении вопросов об отсрочке, рассрочке, изменении способа и порядка исполнения судебных решений, а также при рассмотрении жалоб на действия судебных приставов-исполнителей суды должны принимать во внимание необходимость соблюдения требований Конвенции об исполнении судебных решений в разумные сроки.

При определении того, насколько срок судебного разбирательства являлся разумным, во внимание принимается сложность дела, поведение заявителя (истца, ответчика, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого), поведение государства в лице соответствующих органов.

13. При рассмотрении гражданских и уголовных дел судам следует иметь в виду, что в силу части первой статьи 47 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. В соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, имеет право на суд, созданный на основании закона.

Исходя из постановлений Европейского Суда по правам человека применительно к судебной системе Российской Федерации данное правило распространяется не только на судей федеральных судов и мировых судей, но и на присяжных заседателей, которыми являются граждане Российской Федерации, включенные в списки присяжных заседателей и призванные в установленном законом порядке к участию в осуществлении правосудия.

14. При разрешении вопросов о продлении срока содержания под стражей судам надлежит учитывать, что согласно пункту 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждое лицо, подвергнутое аресту или задержанию, имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда.

В соответствии с правовыми позициями Европейского Суда по правам человека при установлении продолжительности срока содержания подсудимого под стражей учитывается период, начинающийся со дня заключения подозреваемого (обвиняемого) под стражу и заканчивающийся днем вынесения приговора судом первой инстанции.

Следует учитывать, что наличие обоснованного подозрения в том, что заключенное под стражу лицо совершило преступление, является необходимым условием для законности ареста. Вместе с тем такое подозрение не может оставаться единственным основанием для продолжительного содержания под стражей. Должны существовать и иные обстоятельства, которые могли бы оправдать изоляцию лица от общества. К таким обстоятельствам, в частности, может относиться возможность того, что подозреваемый, обвиняемый или подсудимый могут продолжить преступную деятельность либо скрыться от предварительного следствия или суда, либо сфальсифицировать доказательства по уголовному делу, вступить в сговор со свидетелями.

При этом указанные обстоятельства должны быть реальными, обоснованными, то есть подтверждаться достоверными сведениями. В случае продления сроков содержания под стражей суды должны указывать конкретные обстоятельства, оправдывающие продление этих сроков, а также доказательства, подтверждающие наличие этих обстоятельств.

15. Принимая решение о заключении обвиняемых под стражу в качестве меры пресечения, о продлении сроков содержания их под стражей, разрешая жалобы обвиняемых на незаконные действия должностных лиц органов предварительного расследования, суды должны учитывать необходимость соблюдения прав лиц, содержащихся под стражей, предусмотренных статьями 3, 5, 6 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

При разрешении ходатайства об освобождении из-под стражи или жалобы на продление срока содержания под стражей суду необходимо принимать во внимание положения статьи 3 Конвен-

ции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой никто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

В практике применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским Судом по правам человека к «бесчеловечному обращению» относятся случаи, когда такое обращение, как правило, носит преднамеренный характер, имеет место на протяжении нескольких часов или когда в результате такого обращения человеку были причинены реальный физический вред либо глубокие физические или психические страдания.

Следует учитывать, что в соответствии со статьей 3 Конвенции и требованиями, содержащимися в постановлениях Европейского Суда по правам человека, условия содержания обвиняемых под стражей должны быть совместимы с уважением к человеческому достоинству.

Унижающим достоинство обращением признается, в частности, такое обращение, которое вызывает у лица чувство страха, тревоги и собственной неполноценности.

При этом лицу не должны причиняться лишения и страдания в более высокой степени, чем тот уровень страданий, который неизбежен при лишении свободы, а здоровье и благополучие лица должны быть гарантированы с учетом практических требований режима содержания.

Оценка указанного уровня осуществляется в зависимости от конкретных обстоятельств, в частности от продолжительности неправомерного обращения с человеком, характера физических и психических последствий такого обращения. В некоторых случаях принимаются во внимание пол, возраст и состояние здоровья лица, которое подверглось бесчеловечному или унижающему достоинство обращению.

16. В случае возникновения затруднений при толковании общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации рекомендовать судам использовать акты и решения международных организаций, в том числе органов ООН и ее специализированных учреждений, а также обращаться в Правовой департамент Министерства иностранных дел Российской Федерации, в Министерство юстиции Российской Федерации (например, для уяснения вопросов, связанных с продолжительностью действия международного договора, составом государств, участвующих в договоре, международной практикой его применения).

Документы Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации

17. Рекомендовать Судебному департаменту при Верховном Суде Российской Федерации:

в координации с Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека обеспечивать информирование судей о практике Европейского Суда по правам человека, в особенности по поводу решений, касающихся Российской Федерации, путем направления аутентичных текстов и их переводов на русский язык;

регулярно и своевременно обеспечивать судей аутентичными текстами и официальными переводами международных договоров Российской Федерации и иных актов международного права.

18. Рекомендовать Российской академии правосудия при организации учебного процесса подготовки, переподготовки и повышения квалификации судей и работников аппаратов судов обращать особое внимание на изучение общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации, регулярно анализировать источники международного и европейского права, издавать необходимые практические пособия, комментарии, монографии и другую учебную, методическую и научную литературу.

19. Поручить Судебным коллегиям по гражданским и уголовным делам, Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации подготовить совместно с Российской академией правосудия предложения о дополнении ранее принятых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации соответствующими положениями о применении общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации.

Председатель Верховного Суда
Российской Федерации

В. М. ЛЕБЕДЕВ

Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда
Российской Федерации

В. В. ДЕМИДОВ

V

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 5 марта 2004 г. № 1**

**О ПРИМЕНЕНИИ СУДАМИ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Извлечение

В связи с вопросами, возникшими в судебной практике по применению некоторых норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановляет дать судам следующие разъяснения:

3. Судам надлежит обеспечивать выполнение требований закона об участии в уголовном судопроизводстве защитника. Его участие обязательно, если подозреваемый или обвиняемый не отказался от него в порядке, установленном статьей 52 УПК РФ. При этом участие в производстве по уголовному делу обвинителя (государственного обвинителя) не является обязательным условием участия в уголовном судопроизводстве защитника, поскольку обвиняемый (подсудимый) вправе в любой момент производства по уголовному делу отказаться от помощи защитника. В таких случаях суду необходимо выяснить причину отказа от защитника и установить, не был ли такой отказ вынужденным, обусловленным, например, соображениями материального порядка. Отказ от защитника может быть принят судом, если будут выяснены причины отказа от защитника, а его участие в судебном заседании фактически обеспечено судом. При принятии отказа от защитника суду надлежит в определении (постановлении) мотивировать свое решение.

С учетом изложенного вынесение приговора с соблюдением процедур, установленных Уголовно-процессуальным кодексом РФ,

не может рассматриваться как нарушение прав подсудимого на защиту, если отказ от защитника был заявлен в письменном виде или отражен в протоколе соответствующего процессуального действия.

Поскольку в соответствии с частью 2 статьи 49 УПК РФ один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый, может быть допущено судом в качестве защитника только наряду с адвокатом, принятие отказа от адвоката влечет за собой и прекращение участия в деле этого лица (за исключением производства у мирового судьи).

7. В тех случаях, когда при решении вопроса об избрании подозреваемому или обвиняемому в качестве меры пресечения заключения под стражу явка в судебное заседание приглашенного им защитника невозможна (например, в связи с занятостью в другом судебном процессе), а от защитника, назначенного в порядке части 4 статьи 50 УПК РФ, подозреваемый или обвиняемый отказался, судья, разъяснив последствия такого отказа, может рассмотреть ходатайство об избрании подозреваемому, обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу без участия защитника, за исключением случаев, указанных в пунктах 2 — 7 части 1 статьи 51 УПК РФ.

Если же участие защитника в судебном заседании в соответствии с требованиями статьи 51 УПК РФ является обязательным, а приглашенный подозреваемым или обвиняемым защитник, будучи надлежащим образом извещенным о месте и времени судебного заседания о рассмотрении ходатайства в порядке статьи 108 УПК РФ, в суд не явился, дознаватель, следователь или прокурор в силу части 4 статьи 50 УПК РФ принимает меры к назначению защитника. В этом случае суд выносит постановление о продлении срока задержания в соответствии с пунктом 3 части 7 статьи 108 УПК РФ. После назначения защитника к указанному в постановлении судьи сроку суд с участием сторон рассматривает ходатайство по существу.

9. Когда в силу части 3 статьи 247 УПК РФ вопрос об избрании в отношении подсудимого в качестве меры пресечения заключения под стражу возникает в ходе судебного разбирательства, то решение об этом при наличии к тому оснований (статьи 97 и 108 УПК РФ) суд принимает по ходатайству стороны или по собственной инициативе. Участие защитника обвиняемого в судебном заседании при решении этого вопроса является обязательным, если он участвует в деле.

10. Часть 13 статьи 109 УПК РФ допускает рассмотрение судом ходатайства о продлении срока содержания обвиняемого под стражей в его отсутствие, если обвиняемый находится на стационарной судебно-психиатрической экспертизе, а также при иных обстоятельствах, исключающих возможность его доставления в суд. К «иным обстоятельствам» могут быть отнесены, в частности, болезнь обвиняемого, стихийное бедствие, плохие метеоусловия, карантин в месте содержания под стражей. При подтверждении указанных случаев соответствующими документами суду надлежит рассмотреть такое ходатайство в порядке, предусмотренном частью 4 статьи 108 УПК РФ. При этом участие защитника в судебном заседании является обязательным.

11. Если при решении вопроса об избрании подозреваемому или обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу (статья 108 УПК РФ) или о продлении срока содержания под стражей (статья 109 УПК РФ) будет заявлено ходатайство об ознакомлении с материалами, на основании которых принимается решение, суду надлежит руководствоваться статьей 45 Конституции Российской Федерации, гарантирующей государственную защиту прав и свобод человека и гражданина. Исходя из этого суд не вправе отказать подозреваемому или обвиняемому, а также их защитникам в удовлетворении такого ходатайства, поскольку затрагиваются права и свободы лиц, в отношении которых решается вопрос об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей.

Ознакомление с указанными материалами производится в разумные сроки, но в пределах установленного законом срока для рассмотрения судом соответствующего ходатайства об избрании обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу либо о продлении срока его содержания под стражей.

В соответствии с законом рассмотрение ходатайства об избрании подозреваемому, обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей проводится в открытом судебном заседании, за исключением случаев, указанных в части 2 статьи 241 УПК РФ.

27. По смыслу норм главы 40 УПК РФ изъятия, установленные при особом порядке принятия судебного решения, позволяют суду не проводить в общем порядке исследование собранных по делу доказательств. В остальной части судебное заседание должно проводиться с соблюдением требований соответствующих статей глав 35, 36, 38 и 39 УПК РФ.

Документы Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации

В подготовительной части судебного заседания должно быть обеспечено участие, наряду с подсудимым и его защитником, государственного или частного обвинителя. Суду надлежит выяснить у подсудимого, понятно ли ему обвинение, полностью ли он согласен с обвинением и гражданским иском, если таковой заявлен, а также поддерживает ли он свое ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства; заявлено ли это ходатайство добровольно и после консультаций с защитником; осознает ли он последствия постановления приговора без проведения судебного разбирательства. Если по делу обвиняется несколько лиц, а ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства заявил лишь один обвиняемый, такое дело в отношении всех обвиняемых должно рассматриваться в общем порядке.

30. В соответствии с частью 1 статьи 402 УПК РФ в порядке надзора могут быть пересмотрены приговоры, определения, постановления судов первой инстанции, судебные решения судов апелляционной и кассационной инстанций, вступившие в законную силу, если об этом ходатайствуют подозреваемый, обвиняемый, осужденный, оправданный или их защитники, законный представитель, потерпевший или его представитель либо прокурор. Поступившие в суд надзорной инстанции ходатайства других лиц и общественных организаций о пересмотре в порядке надзора вступивших в законную силу названных судебных решений рассмотрению не подлежат и возвращаются заявителям с разъяснениями действующего процессуального законодательства.

Председатель Верховного Суда
Российской Федерации

В. М. ЛЕБЕДЕВ

В.М.Л. 2000

